

Д.Г. Смирнов

«ЭКОЛОГИЯ РАЗУМА» Г. БЕЙТСОНА: ПОИСКИ СЕМИОТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ

Ивановский государственный университет
Email: dissovets_212@mail.ru

В статье анализируется концепция «экологии разума» американского ученого Грегори Бейтсона (1904–1980). Экология разума, рассмотренная в контексте немецкой философской антропологии, французского неотомизма, русской религиозной философии и философии русского космизма, представлена в качестве парадигмального ядра представлений о ноосферной истории.

Ключевые слова: экология разума, ноосферная история, слепая семиотика, закон примитивности, закон сложности сознания, эпистемологическая ошибка, ноосфера.

«...простая целенаправленная рациональность, не поддержанная такими феноменами, как искусство, религия ... неизбежно патогенна и разрушает жизнь».

Г. Бейтсон.

Грегори Бейтсон (1904–1980) – выдающийся мыслитель XX века, философ, эколог, кибернетик, внесший значительный вклад в развитие философской антропологии, теории коммуникации и психиатрии. Книга «Разум и природа: неизбежное единство» [1], завершённая им в 1979 году, подводит итог его многолетним научным исканиям по созданию «новой эпистемологии», будущей синтетической науки о живом, которую он назвал «экология разума» [4].

Американская наука в этот период интенсивно аккумулировала в себе научные, философские, художественные достижения не только Европы, но и России, а также Азии и Африки. Синтетическая экология разума Г. Бейтсона по своему методологическому вектору оказывается близкой и немецкой философской антропологии, и русскому научному космизму, который на современном уровне развития кристаллизовался в биосферологию и ноосферологию.

Экология разума

в философском дискурсе XX века

М. Шелер (1874–1928) – один из основоположников немецкой философской антропологии, предвосхищая Г. Бейтсона, стремится к созданию «единой идеи человека», как синтеза есте-

ственнонаучной, философской и теологической антропологии [24, с. 31-32]. Основные положения концепции Г. Бейтсона удивительным образом совпадают, в частности, с результатами исследований еще одного представителя немецкой философской антропологии Х. Плеснера. Идеи американского ученого оказываются комплексными антропологическим законам «естественной искусственности» и «опосредованной непосредственности» [14]¹

Подобные холистические тенденции обнаруживают себя в русской религиозной философии и философии русского космизма. Идеи всеединства В.С. Соловьева [15] и пневматосферы П.А. Флоренского [18; 19], космическая философия К.Э. Циолковского [20; 21], концепция космичности жизни А.Л. Чижевского [22; 23], учение о переходе биосферы в ноосферу В.И. Вернадского [5; 6] задают комплексный дискурс размышлений о взаимосвязи разума и его окружения.

В последнее время проблематика экологии разума интенсивно анализируется как в России, так и за рубежом. Среди отечественных мыслителей следует отметить Вяч.Вс. Иванова [9; 25], который подходит к современной антропологии

через призму учения В.И. Вернадского о ноосфере и основоположника концепции универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева [12; 13]. Схожие основания лежат в основании «еретических мыслей о науке и обществе» известного американского ученого Дайсона Фримена [17], начавшего с работ К.Э. Циолковского и Н.Ф. Федорова, и экономики ноосферы Линдона Х. Ларуша [10; 11; 27].

Г. Бейтсон, как многие западные исследователи, не ссылается на опубликованные в иностранных переводах труды В.И. Вернадского, в том числе и книгу «Биосфера», переизданную за рубежом в конце 1920-х годов. Возможно, это объясняется тем, что американский исследователь основное свое внимание сосредоточил на семиотической стороне рассматриваемой проблемы (да и, по всей видимости, не имел возможности изучать литературу, например, на французском языке, на что косвенно указывает отсутствие в библиографических списках его работ трудов на западноевропейских (континентальных) языках).

Заслуга Г. Бейтсона в разработке «синтетической науки о живом» в 60–70-е XX века заключается как раз в том, что он включает в неклассическую картину мира семиотический компонент, рассматривая его в качестве основополагающего качества цивилизации XX века, создавая тем самым, предпосылки для становления новой для того времени постнеклассической рациональности.

Эпистемологическая ошибка или сознательная цель против природы

Экология разума, по Г. Бейтсону – это наука, «которая пока еще не существует в виде организованной совокупности теорий или знания». Это «новый способ думать об идеях» и о тех агрегатах идей, которые он называет «разумами (minds)». Экология разума есть, по сути своей, экология идей.

Центральная идея книг Г. Бейтсона (и «Разум и природа: неизбежное единство» (1979) [1], и более ранней «Шаги в направлении экологии разума» (1972) [2; 3]) заключается, по меткому выражению его ученика Марка Энгела, в том, «что мы сами создаем воспринимаемый мир» [2, с. 19], и главная проблема в этом случае – это мышление, которое нам в этом помогает: плохое мышление формирует неверную реальность.

Отправной точкой в рассуждениях Г. Бейтсона становится тезис об эпистемологической ошибке, совершаемой человечеством. «Я придерживаюсь той исходной посылки, – пишет автор, – что наша потеря чувства эстетического единства была, попросту говоря, эпистемологической ошибкой» [1, с. 32]. Эстетическое единство, или эстетическое чувство, о котором ведет

речь автор, есть единство биосферы и человечества, которое как раз и укрепляется «утверждением» красоты.

Под эстетическим чувством Г. Бейтсон понимает «чувствительность к связующему паттерну» [1, с. 22]. А связующий паттерн, в свою очередь, это метапаттерн. «Это паттерн паттернов. Это тот метапаттерн, который определяет общие правила» [1, с. 25]. По сути, здесь идет речь о том, что в системном подходе принято называть концептом, или системообразующим свойством. Это цель, к которой движется вся система, то, что заставляет ее работать (функционировать) именно так и никак иначе. Например, для своего времени Г. Бейтсон, как показывает анализ его текстов, определяет в качестве метапаттерна *«ad hoc»*, то есть «меры, служащие для решения неотложных проблем, без учета более широких обстоятельств». Именно в такой «сознательной цели против природы», которая определяет поступки человеческой цивилизации, мыслитель видит корни экологического кризиса.

Наука (как ни парадоксально, особенно гуманитарная) по-прежнему претендует на обнаружение истинного знания, то есть знания, тождественного объективной реальности, тому, что есть на самом деле. Но, как верно замечает Г. Бейтсон, «даже если отвлечься от барьеров кодирования, т. е. от того обстоятельства, что наше описание сделано из слов, цифр или изображений, а то, что описывается, из плоти, крови и действий, даже если пренебречь трудностями перевода, мы никогда не сможем заявить об окончательном знании чего бы то ни было» [1, с. 39].

Здесь на помощь науке и приходит эта самая чувствительность, которая привержена не количественному описанию, а качественному прочтению, не логике понятий (Аристотеля), а логике вещей (Демокрита). Поэтому совершенно оправдано в данном контексте звучит призыв французского исследователя А. Керлана к реабилитации восприимчивости (sensibilité) [26], восприимчивости к самой реальности, а не к тому, как мы ее интерпретируем.

Слепая семиотика: невидимые различия

Фундаментом этой особой «чувствительности к эстетическому чувству» является соответствие в рамках системы «Природа – Человек – Общество» структуры исходящих сообщений структуре входящих: «структура входящих сообщений должна каким-то образом отражаться в структуре выходящих». Определяющим моментом здесь является мера этого соответствия, или, как его именует Г. Бейтсон, различия.

«Любое получение информации, – считает он, – с необходимостью является получением сведений о различии, а любое восприятие различия

отражено пороговым значением. Слишком слабые или слишком медленно поступающие различия не поддаются восприятию. Они не становятся пищей для восприятия» [1, с. 41].

Здесь четко прослеживается параллель с сенсорными каналами восприятия человеком информации (изображения, звука, цвета, запаха и т.д.). Таким образом, эволюция животного мира предстает как неуклонный, постепенный процесс изменения порогового значения, ослабления семиотической чувствительности, или, как принято говорить сейчас, компетенции. Это, в свою очередь, отодвигает (точнее, сужает) границу восприятия, расширяя зону так называемой «слепой семиотики».

Этот вывод следует из признания предложенной Г. Бейтсоном семиотической интерпретации Второго начала термодинамики, которое может быть выражено следующим образом: «более совершенное» никогда не может порождаться «менее совершенным». Смысл подобного подхода раскрывается в тезисе: знаковые компетенции (или «эпистемологические предпосылки», в терминологии самого Г. Бейтсона) субъекта в определенной семиотической системе либо остаются на неизменном уровне, либо понижаются.

«Закон примитивности» Г. Бейтсона versus «закон сложности сознания» П.Т. де Шардена

С семиотической точки зрения, с точки зрения экологии разума, человечество деградирует. Еще французский мыслитель П. Тейяр де Шарден (1881–1955) обратил внимание на проблему функциональной специализации в биологии и антропологии. «Специализация парализует, а ультраспециализация убивает. Палеонтология полна таких катастроф. Именно потому, что до плиоцена приматы по своим членам оказались самыми «примитивными» из млекопитающих, они также остались самыми «свободными»» [16, с. 132]. Этот пример можно экстраполировать и на эволюцию человека, семиотическая специализация которого с каждой исторической эпохой становится все сильнее.

Г. Бейтсон раскрывает этот момент через закономерность Томаса Грэшема (1519–1579), известного английского финансиста, основателя Лондонской биржи. Так называемый «закон Грэшема» гласит: менее ценная из двух видов валюты циркулирует более свободно вплоть до полного вытеснения более ценной, поскольку последняя тезаврируется. В интерпретации Г. Бейтсона читаем его в следующей редакции: «примитивные идеи будут вытеснять сложные, а вульгарное и отвратительное всегда будет вытеснять красивое» [1, с. 19]. Но, как замечает сам автор, тем не менее красивое продолжает существовать.

Таким образом, в эволюции жизни соседствуют, по крайней мере, два частных противо-

речащих друг другу закона, а именно, сформулированный выше «закон примитивности» Г. Бейтсона и «закон сложности сознания» П. Тейяра де Шардена², который устанавливает, что эволюция происходит в направлении увеличивающейся сложности, и это увеличение сложности сопровождается соответствующим ростом сознания, достигающего высшей точки в человеческой духовности.

Инверсивная связь между этими законами может быть зафиксирована следующим образом: чем совершеннее организация материального образования, тем слабее проявление радиальной (энергия «вертикальной» связи разноуровневых элементов системы) энергии и, соответственно, сильнее действие энергии тангенциальной (энергия «горизонтальной» связи однопорядковых элементов системы) и тем менее универсально его поведение.

Однако, описание эволюции человечества в терминах «вещественно-энергетической» картины мира представляется неполным. Постнеклассическая рациональность, к которой вплотную подошел Г. Бейтсон, дополняет это описание информационной составляющей: «в мире коммуникации, организации, мышления, обучения и эволюции "из ничего не будет ничего" без *информации*» [1, с. 59].

Экология разума и основной ноосферный закон

В рамках постнеклассической картины мира сказанное выше может быть верифицировано основным ноосферным законом, сформулированным И.В. Дмитревской. Он гласит: «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество» [7, с. 24].

Информация которой обладает субъект исторического процесса создает в нем заряд энергии, необходимый для изменения окружающих условий бытия в соответствии с поставленной целью. Но чем дальше человечество уходит от первобытного состояния, тем меньше энергии оно востребует для осуществления поставленных целей и задач (прежде всего, интеллектуальной). Соответственно, поведение исторического субъекта постепенно меняет ориентир с момента совершенствования на момент поддержания своего существования. В социальной философии это вылилось, например, в создание концепции «устойчивого развития», где, как показала 30-летняя практика, энергия человечества оказалась специализирована именно на количественные изменения, вместо качественных рывков в будущее (а диалектический закон взаимного перехода количественных и качественных изменений здесь не сработал).

Но ведь человек (и человечество в целом) совершенствуется именно через эволюцию

социума, то есть в процессе ноосферной истории, процессе выстраивания мира под формы духовного бытия. В этом видится главная особенность *экологии разума*, или *ноосферной эволюции*, в противовес своеобразной экологии ума («неразумного ума»), или техносферной эволюции.

Переделывание биосферы под нужды человеческой цивилизации под лозунгом устойчивого развития, напоминает известную формулу исторического развития – «шаг вперед, два назад». В 1972 году выходит книга Г. Бейтсона с интересным названием «Шаги в направлении экологии разума» [2; 3]. Автор фиксирует парадоксальную ситуацию. Человечество вроде бы понимает всю опасность экологического кризиса, но в тоже время продолжает всемерно разрушать биосферное равновесие в результате своеобразной эколого-семиотической специализации (может быть и ультраспециализации). Теория экологии разума надолго опередила свою сознательную практику.

Целевая организация индивидуального сознания

Все дело в индивидуальном сознании человека, которое, в свою очередь, организует сознание общественное. Оно организовано целевым образом. Это прибор, как его называет Г. Бейтсон, «ближнего действия, помогающий ... быстро получить желаемое. Он предназначен не для жизни с максимальной мудростью, а для получения желаемого кратчайшим логическим (каузальным) путем» [2, с. 154].

Такая линейность мышления, свойственная человеку на протяжении всего исторического пути до середины XX века, приводит лишь к заблуждениям, от которых человек постепенно освобождается (сменяющие друг друга картины мира, отмирающие экологические мифы и т. п.). «Линейное мышление всегда будет порождать либо телеологическое заблуждение (веру в то, что цель процесса управляет самим процессом), либо миф о сверхъестественном управляющем факторе» [1, с. 74]. Без смены сознаниевой парадигмы это освобождение носит временный характер: старые заблуждения сменяются новыми.

Так происходит, по мнению Г. Бейтсона, поскольку люди – это самокорректирующиеся системы. «Они самокорректируются против беспокойства, и если это "очевидное" не таково, что его можно легко ассимилировать без внутреннего беспокойства, то их механизмы самокоррекции срабатывают так, чтобы отодвинуть, спрятать, а если необходимо, то и закрыть глаза или отключить другие звенья процесса восприятия. Беспокоящая информация может быть окружена фреймом, после чего она уже не причиняет беспокойства. Все это делается в соответствии с

представлением самой системы о том, что есть неудобство» [2, с. 394].

Главный путь решения проблемы, которую Г. Бейтсон формулирует как «сознательная цель против природы», заключается, по его мнению, в отходе от линейного типа мышления и познания действительности и переходе к системному мышлению, реабилитации экологического сознания, которое имплицитно и изначально присуще человеку. Основанием для смены линейного типа мышления на «системно-синергетический» является признание факта аналогичности разума и истории, мысли и эволюции: «мысль напоминает эволюцию тем, что обе стохастичны» [1, с. 34].

История как ноосферно-семиотический круговорот

Системный подход ориентирован на максимально возможное целостное восприятие реальности. Ноосферный закон, рассмотренный выше, раскрывает лишь половину «правды» развития и существования современной цивилизации. Ноосферный закон проясняет одну сторону – сторону прямого воздействия, то есть возникновение изменений (различий). В рамках семиотического закона раскрывается и теневая (оборотная) сторона – форма порождения информации. В виртуальном семиотическом полукруге совершается трансформация знаков в информацию, а в ноосферном – эти знаки превращаются в информацию, которая управляет энергией и веществом. Применение организмического подхода позволяет увидеть здесь аналогию семиотического и ноосферного кругооборотов малого и большому кругам кровообращения. В терминах формационного подхода здесь можно вести речь о прямом воздействии (сознания на бытие) и активном обратном воздействии (бытия на сознание).

Подобный ноосферно-семиотический круговорот позволяет сделать фундаментальный вывод о том, что исторический процесс, понимаемый как ноосферная история, то есть как форма обустройства мира под формы духа, сам направляет развитие человечества в определенное русло через превращение знаков биосферного плана в информацию, которая, уже в свою очередь, актуализирует изменения на структурном и субстратном уровнях цивилизационной системы, верифицируя, тем самым, семиотический принцип Вяч. Вс. Иванова – «в истории культуры отбираются именно те знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы» [9, с. 28].

Человечество на излете XX века утратило чувствительность к тому, что, по сути, определяет его существование. Оно подчинило свое поведение иллюзорным метапаттернам, концептам. Фактически цивилизация сама определила

границы этой чувствительности, которые в далеком прошлом установила для антропосферы природа.

Семиотическая граница ноосферы

Главной границей, которую человек «сократил», является граница семиотическая, или, говоря языком Г. Бейтсона, коммуникативная. Современная наука вынуждена признать, что «логика и количественное описание оказываются непригодными для описания организмов, их внутренней организации и взаимодействий» [1, с. 35]. То же можно сказать и о цивилизации в целом.

В результате следующая фаза развития цивилизации связана именно с беспороговыми формами восприятия действительности. Вся история жизни есть процесс неустанного преодоления границ и барьеров в пространстве, во времени, в сознании и т.д. Преодоление подобных границ в сфере познания дело, наверно, самое трудное, тем более, что иногда приходится признать, что даже самые современные эпистемологические способы и формы уступают по эффективности и точности гносеологическим потенциям более ранних стадий человеческой цивилизации.

«Слепая семиотика», как зона невосприимчивости к ряду знаковых феноменов природного порядка, а также сфера продуцирования ложных знаков биосферы, возникает в результате отрыва человека от природы и ее эстетической (эстетико-семиотической) компоненты, в результате ухода с ноосферной траектории развития, от ноосферы.

Вместо заключения

Как показывает анализ работ Г. Бейтсона «ноосферная проблематика» имплицитно рассматривалась в американской и, шире, европейской, традиции под другими названиями. В этом случае, принцип Альфреда Коржибского «имя – отнюдь не поименованная вещь» позволяет говорить об установлении парадигмального моста (соответствия) между европейской семиологией человека и российской ноосферологией.

Только экология разума как общенаучная парадигма, представляющая (перерастающая) в российской научной традиции в образе ноосферологии, может вернуть социум в лоно ноосферной истории, на путь с которого он свернул в конце XX века.

Примечания

1. Эти законы были сформулированы Х. Плеснером в работе «Ступени органического и человек» (1928 г.). Закон естественной искусственности утверждает, что овладение средой возможно для человека только с помощью создания вокруг себя искусственной среды – мира артефактов, фиксирующих опыт человечества и транслиру-

ющих его в пространстве и времени. Закон опосредованной непосредственности гласит, что человек одновременно и растворяется в среде без остатка, и стоит над ней, даже – за ней; все, что человек знает, он узнает как содержание сознания, понимая в то же время, что вещи и явления находятся не в сознании.

2. Эти законы можно рассматривать в духе Н. Бора и его принципа дополнительности, сформулированного для феноменов корпускулы и волны. Закон примитивности и закон сложности сознания не только противоречат друг другу, но и дополняют друг друга.

Список использованной литературы

1. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007. 248 с.
2. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М.: КомКнига, 2005. 248 с.
3. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по антропологии. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
4. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
6. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113–120.
7. Дмитриевская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С. Системный анализ ноосферной динамики России // Вестник Ивановского государственного университета. 2000. Вып. 2. С. 14–33.
8. Иванов Вяч. Вс. Наука о человеке. Введение в современную антропологию: Курс лекций. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 196 с.
9. Иванов Вяч. Вс. О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26–38.
10. Ларуш Линдон Х. Стратегия Вернадского (26 апреля 2001). URL: <http://www.larouchepub.com /russian/lar/2001/vernstrat.html>. (дата обращения 08.06.2011).
11. Ларуш Линдон Х. Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания (The Science of Physical Economy as the Platonic Epistemological Basis for All Branches of Human Knowledge) // Executive Intelligence Review. 1994. Vol. 21. № 9–11. URL: http://www.larouchepub.com/russian/phys_econ/physec_toc.html. (дата обращения 08.06.2011).
12. Моисеев Н.Н. Современный рационализм = Modern rationalism. М.: МГВП КОКС, 1995. 376 с.
13. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
14. Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М., 1998. С. 96–151.
15. Соловьев В. С. Философское начало цельного знания. Минск: Харвест, 1999. 912 с.
16. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965. 296 с.

17. Фримен Д. Еретические мысли о науке и обществе: Публичная лекция фонда «Династия», 23 марта 2009 года, Москва, ФИАН. Available from: <http://elementy.ru/lib/430801>. (дата обращения 08.06.2011).
18. Флоренский П. А. Письма В. И. Вернадскому // Минувшее: Исторический альманах. 1986. № 1. С. 275–293
19. Флоренский П. А. У водоразделов мысли: В 2 т. М.: Издательство «Правда», 1990. 839 с.; 447 с.
20. Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. М.: ПА-ИМС, 1992. 256 с.
21. Циолковский К. Э. Космическая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 480 с.
22. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. 72 с.
23. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1976. 367 с.
24. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
25. Ivanov Vyacheslav. Towards Noosphere // Candles in the Dark. A New Spirit for a Plural World. Manchester, Seattle and London: New Hampshire Institute of Politics at Saint Anselm College in association with University of Washington Press, 2002. P. 187-204.
26. Kerlan A. A quoi pensent les pedagogues?: La pensee pedagogique an miroir du philosophe // Rev. fr. de pedagogie. Paris, 2001. № 137.
27. Lyndon H. LaRouche, Jr. The economics of Noosphere. N.Y., 2000.

Статья поступила 07.11.2011

Принята в печать 17.11.2011